

Библиотека журнала „РАБОТНИЦА и КРЕСТЬЯНКА“

ШКОЛА И
РЕЛИГИЯ
В СТРАНАХ КАПИТАЛА

Издательство „ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА“

1930

Библиотека журнала „Работница и Крестьянка“

М. А. КОЛПАКЧИ

ШКОЛА И РЕЛИГИЯ

Из-дво „ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА“.

1930

ЦЕРКОВЬ ИДЕТ В НАСТУПЛЕНИЕ

1 (1—12)

1. Отдают последнее сытому полу . . Болгария.
2. Бог любит труд женщин и детей . . Индия.
3. Именем обиженного Будды . . . Япония.
4. Мы объединимся с арабами . . . Палестина.
5. Дом христианского гостеприимства .
6. Человек с каучуковой совестью . . Мексика.
7. Заколдованный круг Италия.
8. Судьба пролетария Австрия.
9. Умрешь с голоду, но спасешь душу Италия.
10. Моя заветная мечта Китай.
11. Против родины безбожия С. Америка.

БОЛГАРИЯ.

ОТДАЮТ ПОСЛЕДНЕЕ СЫТОМУ ПОПУ.

Я слышала, что русские женщины не ходят в церковь и не дают обетов. Я очень хотела бы получить письмо от такой работницы, которая живет без бога и совсем не признает церкви. По-прежнему чем хуже живется и чем голоднее кормится семья, тем большую власть над ней имеет поп.

У нас огромная семья, 12 человек. Двое стариков и пятеро детей. Из пятерых взрослых не всегда имеют работу трое. Приходится голодать или есть всякую дрянь.

Хозяйство ведет моя старшая сестра. Целый день, она работает без перерыва, как мельница: стряпает, стирает, шьет. За детьми смотрит восьмилетняя девочка. Моя сестра говорит, что она не спит ни одной ночи потому, что не знает, хватит ли на всех хлеба на следующий день.

У сестры есть еще одна большая забота. Когда была очень больна ее стар-

шая дочь, поп уговорил сестру дать обет каждый год святить масло. Обет надо держать. Каждый год приходит поп. Надо приготовить много пирогов и вина и угостить его и еще заплатить ему. Не знаю, сколько она платит, но, кажется, очень много. Потому что она все время копит деньги.

Дети все босые, сама сестра ходит в тряпках, как цыганка, и бабушка плачет, скучает по сахару или меду. А тут в один день тратится столько денег! Я говорила сестре, чтобы она перестала святить масло. Она сразу испугалась.

— Чтобы ты даже не думала об этом! Святой отец сказал, что если я преступлю обет, девочка зачахнет и умрет.

Я пошла к своей подруге, коммунистке. Та посоветовала мне написать в Россию в женский журнал. Она сказала, что я получу ответ от многих работниц, которые подтвердят, что попы только обманывают народ.

Я тоже думаю: когда поп видит, что люди как нищие живут, разве должен он отбирать последние деньги? Зачем же нам религия, если она учит голодного отдавать последнее сытому попу?

Е. Санокова.

ИНДИЯ.

БОГ ЛЮБИТ ТРУД ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ.

Когда я уже сомневалась в религии, я пошла к брамину и спросила его:

— Хорошо ли, что я заставляю работать моих детей? Работаю я на хлопковых плантациях и не могу одна собрать так много хлопка. Мне помогают мои дети и даже четырехлетняя, младшая, Нимбка.

Брамин сказал, что бог любит труд женщин и детей и что я могу идти с миром и не тревожиться. А пока я ходила, к брамину Нимбку укусило какое-то насекомое. У нее посинело тело, и она умерла. Я понимаю, что нельзя было оставить на плантации такого маленького ребенка. Старший мальчик был далеко от нее и не слышал ее плача.

В Индии то в одном, то в другом месте поднимаются восстания против англичан. Но я думаю, что нас мучают не одни англичане. Плантация, где я работаю, принадлежит индусу. Богатому индусу, который мне не брат. Хотя брамин и говорит, что все индусы—братья.

Сам брамин, который советует молиться и благодарить бога за все несчастья, тоже не англичанин, а индус. Но разве он брат мне?

Нет, бывают разные индусы. Неправильно учит брамин. Я отдаю свои силы борьбе со всеми угнетателями и буду учить своих детей мстить за рабство и добиваться свободы.

Лагора.

Сударжа.

ЯПОНИЯ.

ИМЕНЕМ ОБИЖЕННОГО БУДДЫ.

С тех пор, как предприниматель Токомусоли сократил рабочих на 225 человек, я осталась без работы. Это было после того, как на соседней фабрике восстали рабочие. Они потребовали отменить рабские правила общежитий и уволить надсмотрщика, который шпионил за рабочими.

Хозяин отказался выполнить эти требования. Рабочие собрались у входа на фабрику. Мастер-надсмотрщик бросил в рабочих камень. Поднялась драка. Ра-

бочих прогнали водой из пожарной кишки. Нескольких арестовали.

К арестованным подошел бонза. Сиого спросил его, как будет власть с ними расправляться. Только словами или силой?

Бонза ответил длинной речью. Смысл ее был тот, что для того, чтобы массы образумились и перестали быть братоубийцами, — надо, чтобы пострадало несколько человек.

Сиого удалось бежать.

И мы находим, что можно пожертвовать несколькими, чтобы не страдали миллионы. Но мы думаем, что для блага масс должны погибнуть капиталисты. А бонза хочет уничтожить всех революционных рабочих, чтобы сладко и спокойно жилось нескольким десяткам капиталистов.

Верить бонзам можно только, если не вдуматься в их слова. За лживой любовью к людям они скрывают и лизоблюдство перед капиталистами.

Бонза не приходит с утешениями, когда по утрам из общежитий текстильщиц-работниц с побоями выталкивают на работу. Тогда бонза не говорит, что такой поступок оскорбляет Будду.

А вот когда доведенные до отчаяния рабочие разрушают фабрику или сжигают общежитие, где рабочих держат, как невольниц, и обращаются с ними, как с преступниками, тогда является бонза и говорит именем обиженного Будды.

Я посылаю это письмо в журнал революционных текстильщиц Японии «Босеки Родося» и прошу переслать его текстильщицам других стран. «Босеки Родося» обещал наладить постоянную переписку с работницами всего мира.

Токно.

Вига-Фути.

ПАЛЕСТИНА.

МЫ ОБЪЕДИНИМСЯ С АРАБАМИ.

Наше последнее убежище—мостовая. С семьями, женами и детьми, больные и здоровые, мы проводим тут дни и ночи. Мостовая стала нашей родиной, родиной еврейских безработных.

Среди нас все время шныряют раввины и другие агенты правительства. Надо хорошо знать каждого, с кем говоришь. Услышат, что разговор о стачке,—сейчас

же выдадут полиции, как агитатора из Москвы. Этот еврей за пределы Палестины никогда не выезжал. Все равно. Его засудят, как агента Коминтерна.

В Палестине разворачивается большое движение за объединение с арабами для борьбы против угнетателей. И тут нам сильно мешают раввины. Они говорят, что арабы совсем дикари, что с ними не надо иметь дела, что они грязны, как животные, что они недостойны быть в одном помещении с евреями.

А мы говорим, что арабы будут нам хорошими товарищами. Они организовали деловую **«рабочую фракцию»**, которая хочет разнести не только английских, но решительно всех капиталистов, еврейских и своих арабских. Фракция говорит: «Против несчастного пролетария сомкнулись все — хозяева, полиция, духовенство». Она говорит: «попробуй пожаловаться хозяину на полицию, или полиции на хозяина, или мулле на того и другого. Останешься в дураках. Они все вместе скрутят тебя».

Это глубоко верно. Это перепробовали многие евреи. Они сидят в крепости. Или голодают.

Раввины учат, что к хозяину нужно идти не с кулаком, а с дружески протянутой рукой. Раввинов еще многие боятся. Но ведь если бы боялись своих генералов и попов русские рабочие, разве тогда смогли бы они победить?

Достаточно у нас получить письмо из СССР, как человека начинают подозревать в государственных преступлениях. За мной уже давно следят. Прошу русских товарищей писать мне окольным путем.

И. Ц.

ДОМ ХРИСТИАНСКОГО ГОСТЕПРИИМСТВА.

К нам на завод АГФА в Трептове с месяц тому назад явилась целая делегация союза христианских женщин. Они устроили собрание в заводском дворе и пригласили всех женщин на свой ежегодный вечер. Раздали работницам пригласительные билеты. Я тоже получила именное приглашение. Мне показалось это очень лестным. Откуда они знали обо мне? Ведь я никогда ни в какую церковь не хожу и больше всех партий сочувствую комму-

нистам, которых все верующие терпеть не могут.

Мы решили пойти на вечер христианских женщин и посмотреть, чем они занимаются.

Большой дом, много света, всюду мягкая, плюшевая мебель, столы с книгами и журналами. Нас повели по всему дому, и больше всего нас удивило то, что у них даже есть комнаты для приема родных и гостей членов союза. Там дают бесплатно чай и печенье, а в торжественные дни—кофе. Есть зал, где читают лекции о боге и душе. Есть кино, где показывают божественные картины.

После кофе нас угостили лекцией. Такой ерунды я еще в жизни не слыхала. Лектор объяснял нам, что мы, бедняки, в сущности самые богатые, потому что имеем воскресенье, в которое отдыхаем, и наслаждаемся. А богачи, по-настоящему, самые бедные, потому что они не знают радости иметь воскресный отдых. Еще богаты мы тем, что, занимая сейчас низкое место, можем подыматься дальше. А богачи извелили уже все лучшее и ничего светлее виденного увидеть не могут. Лектор долго говорил о том, что мы дол-

жизни жалеть богачей, не завидовать им, не добиваться улучшения нашей жизни. А если станет очень горько на душе — пойти в союз и здесь найти душевный покой.

Потом пошли вопросы. Не поверите, какие глупые.

— Кто счастливее—дети бедных или богатых?

— Нужно ли отказываться от наследства?

— Какие грехи самые грешные?

Я не выдержала, встала и спросила:

— Почему богатые стремятся и дальше разбогатеть и заставляют нас работать до потери сил? А потом выбрасывают за дверь завода и успокаивают пулеметами? Почему наш заработок падает, а цена на квартиру и газ повышается в пользу тех самых богачей, которых мы должны жалеть? Стоит ли бедняку, которого выселяют из подвала, жалеть домовладельца, живущего в 20 комнатах?

Тут лектор прервал меня. Он сказал, что видно, что я посторонний человек и придаю слишком много значения животной жизни, а одна пожилая женщина дернула меня за платье и тихо сказала:

— Не мешай им болтать. Ведь они за то дают нам кофе, бутерброды с колбасой и иногда пару чулок для ребенка.

Но мы из-за стакана ячменного кофе не остались в гостеприимном доме.

Марианна Бобике.

МЕКСИКА.

ЧЕЛОВЕК С КАУЧУКОВОЙ СОВЕСТЬЮ.

Мексиканские крестьяне все время борются с помещиками и фабрикантами. В штате Халиско есть большие серебряные шахты, в которых отчаянно эксплуатируют рабочих.

Однажды большой отряд вооруженных крестьян подступил к серебряной шахте. Из шахты вышли рабочие и присоединились к крестьянскому отряду.

Как только вооруженный отряд вступил в поселок, навстречу вышли католические священники с крестами и хоругвями и стали размахивать ими и крестить и проповедывать мир и прощение среди восставших. Попы выстроились впереди отряда и объявили, что это идут крестоносцы и что все должны им покориться и открывать, настезь двери. Попы требо-

вали, чтобы крестоносцы не стреляли, не грабили и никого не обижали. Поселок был занят без сопротивления — совершенно мирно.

Через два дня к революционному поселку подступили правительственные войска с пушками и пулеметами. Партизанскому отряду пришлось бежать, так как с большими обученными военными батальонами он не мог меряться силой.

Началось беспощадное избиение всех, кто сочувствовал восставшим. И священники не просили пощады. Нет! Они доносили, кто шел впереди, у кого из рабочих партизаны хранили оружие. По доносам духовенства было казнено 40 человек, из них 6 женщин. А после убийства те же священники пили и пировали вместе с пачачами.

У нас говорят, что священник, который спас дом шахтовладельца от разграбления, получил награду не только от него самого, но получит и пожизненную пенсию и орден за геройство от главы церкви.

Этого священника мы прозвали «каучуковой совестью». В поселке его так возненавидели, что он вынужден был уехать из Халиско.

Д. Грацца.

ИТАЛИЯ.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ.

Одна мысль сверлит голову: бежать. Бежать из страны лицемерия и угнетения. С тех пор, как папа и Муссолини подружились и подписали трактат, стало еще больше хвастливой, лживой шумихи, шпионства и террора.

Муссолини получил от папы бесплатно столько добровольных ищек, сколько приходов в Италии. Каждый кюре теперь провокатор и сыщик. А их в каждом городе тысячи. Союз черных сутан и рубашек обвинил страну кольцом безработицы, голода, пыток и тюрьмы.

На словах же безработицы нет. Голода нет. Дороговизны нет. Народ благоденствует. Никто не смеет ни критиковать, ни жаловаться.

Если в трамвае, в кино, в кафе человек громко поговорит со своим другом о том, что нехватает денег на хлеб, что работаешь три дня в неделю, что вот-вот выкинут вовсе на улицу, что так надоела жизнь, что хоть в воду, — фашисты следят недовольного и в этот же день

придут к нему, избыют и самого и всех домашних, пригрозив в следующий раз арестовать и выслать.

Кюре, по приказу фашистов, проповедуют деторождение. Аборты в нашей стране наказываются, как убийство. Тюрьма врачу и акушерке. Власть не обращает внимания на то, что нечем кормить детей.

— Родина нуждается в сынах, дети— благословение божие, плодите детей!— проповедуют кюре в проповедях.

Как-то в церкви в ответ на этот призыв раздался голос:

— Пусть бог научит детей есть траву, а пока дети едят хлеб, они безработному не по силам.

Шутка вызвала одобрительные возгласы, смех и похвалы. Присутствовавшие в церкви фашисты возмутились: заперли выходные двери и стали искать того, кто позволил себе крамольную фразу. Хорошо, что не удалось доискаться шутника!

Другой случай. Собрались молодые парни, накануне посетившие черную мессу кюре против СССР. Один из них завернулся в пальто, наподобие сутаны, и начал протяжно гнусавить о том, какие

страшные опасности представляет коммунизм, как русские коммунисты вместо того, чтобы приносить жареных кур и индюков своим священникам, поедают тех кур и индюков, которых с великим трудом и усердием выкормили русские священники.

Несколько слов из этой проповеди услышал случайно проходивший кюре. Он с пеной бешенства проклял презренных безбожников. Парни разбежались. А через несколько часов фашисты поймали «проповедника» и до полусмерти избили его.

Жить в Италии—значит покоряться, стиснув зубы, голодать и молчать. Голову сверлит одна мысль о бегстве.

Маттео Э.

АВСТРИЯ.

СУДЬБА ПРОЛЕТАРИЯ.

Кто не живет с нами бок-о-бок, тому трудно понять, каким проклятием сделалась жизнь австрийской работницы. Повсюду гнет и западни. Сами мы слишком слабы и неорганизованы.

Когда начала расти безработица на венских заводах, мой отец ушел лесным рабочим в имение графа Шторхенберга. Там он работал по мелиорации по 14 часов в сутки. Денег рабочим не платили. Управляющий говорил, что граф почему-то распорядился задержать расчет. Потом граф приехал и объявил, что только те получают свой заработок, кто запишется в его охотничий батальон.

— Что это за батальон?

Никто ничего не объяснил. А потом оказалось, что этот батальон — фашистская команда, которую готовят на случай восстания.

Рабочие помоложе, которым до зарезу нужны были деньги, все-таки записались, а потом самовольно уехали. Их арестовали и с конвоем вернули обратно. В уставе графского охотничьего батальона есть пункт, по которому отлучившихся без разрешения наказывают тюрьмой.

Отец вернулся домой без денег, без сапог, обессиленным непосильной работой.

Теперь о моем муже. Он работал на заводе «Грэфт и Шрифт». Беспощадная капиталистическая рационализация и угроза массового увольнения рабочих, вызвали

генеральную стачку на заводе. Мой муж был одним из руководителей движения.

Заводские социал-фашисты сначала отговаривали рабочих от стачки, а потом, когда стало видно, что рабочие и без них обойдутся, — сами взялись руководить стачкой. Кончилось тем, что забастовка, дружно державшаяся 8 недель, прекратилась таким образом, что поденную плату повысили на полкроны (около 40 копеек). Но прибавили норму выработки, а главное уволили 6 человек зачинщиков и среди них моего мужа. Это была работа социал-демократов.

Вот какова жизнь в нашей стране.

Но послушать богатых господ да монахов, так нет на свете других забот, кроме как:

— Грешно ли есть мясо животных?

— Можно ли давить тараканов?

— Не грех ли надевать собакам намордники?

Об этом собачьем наморднике говорили на заседании духовного общества совершенно всерьез. Намордник, видите ли, принижает духовные запросы собаки (!). Один монах там еще уверял, что не только причинять боль и убивать тараканов нельзя, но и клопов и блох бить грешно.

Говорить так они не стыдятся в то время, когда голодают тысячи рабочих и их детей, когда в лесах под Веной превращаются в пещерных людей сотни безработных, одичавших от голода и одетых в отрепья. К этим несчастным попы не чувствуют сострадания, а пекутся о псах и тараканах. Попы одобряют все действия власти по отношению к революционерам. Все пытки и казни.

Попы восстанавливают детей рабочих против родителей. Подойдите и послушайте проповеди наших пасторов: они учат любви к птичкам, но беспощадной борьбе с безнравственными безбожниками. Почему же нельзя истреблять тараканов? Почему можно уничтожать коммунистов? Доживем ли мы до того времени, когда сможем выгнать сладкоречивых паразитов из их теплых насиженных гнезд?

Анна Митац.

ИТАЛИЯ.

**УМРЕШЬ С ГОЛОДУ, НО СПАСЕШЬ
ДУШУ.**

Нередко между заносчивыми фашистами и оппозиционно-настроенными кре-

стьянами бывают ссоры. Когда фашистам удается спровоцировать драку—дело кончается убийством одного или двух крестьян. Потому что у крестьянина в лучшем случае найдется нож, а фашист вооружен ручными гранатами и наручниками. В спокойном состоянии никто с фашистами не свяжется, но бывают запальчивые настроения, когда не можешь удержаться.

Отпевая тела убитых фашистами крестьян и рабочих священники не говорят о мщении и ненависти, а призывают, наоборот, к примирению и прощению. Здесь они умеют находить слова благодати и утешения.

Пастор часто говорит в своих проповедях о противофашистских выступлениях. Но тогда не узнать в пастере кроткого пастора, прощающего убийц. Страстно и горячо он будет призывать «возблагодарить карающую десницу, настигшую врага человечества». Он скажет, что этого врага надо стереть в пыль, забыть самое имя его, что нет человека презреннее и таже, чем идущий против благотворящего фашизма, который один может спасти Италию от бича дьявола—большевиков.

Обычно дальше проповедь сводится к таким рассказам о России, что тошно слушать.

Оказывается, из церквей и театров коммунисты сделали конюшни и свинарники. Жены священников должны убивать своих новорожденных, если это мальчики. Запрещено под страхом смертной казни кормить стариков, которые не в состоянии работать. И тому подобная чушь.

Такое божье наказание, как большевизм, говорит наш патер, постигло несчастную Россию за то, что там было много неверующих, которые не ходили в церковь, а другие хоть и ходили, но недостаточно глубоко и искренне верили.

Чтобы застраховаться от большевизма надо проводить все свободное время в церкви и отдавать патеру каждую последнюю лиру! Станешь круглым идиотом? Умрешь с голоду? По крайней мере спасешь душу!

Молодежь видит лицемерную ложь проповедей нашего патера и добровольно мало кто ходит на мессы. Но ведь если фашисты заметят человека, не посещающего ни фашистских клубов, ни церквей, то ему придется плохо. Выгонят с работы, вышлют в исправительную колонию. Из

двух зол приходится выбирать меньшее. Церковь болтливей, но безобиднее, чем фашистский клуб.

У меня много единомышленников. Но все они вынуждены часами с постными лицами сидеть в церквях. Это письмо в СССР я пишу тоже во время службы. Только патер думает, что я благоговейно ловлю и записываю его слова.

До свиданья, товарищи! Примите коммунистический привет от члена партии, сидящего в церкви св. Христины.

Да здравствует борьба пролетариата!
Да здравствует Коминтерн!

Х. Х. Х.

КИТАЙ.

МОЯ ЗАВЕТНАЯ МЕЧТА.

С 6 лет я кипятила шелковые коконы, а в восемь лет я уже сматывала нитки не хуже самой опытной работницы. Надсмотрщик говорил моим подругам, что мои пальцы созданы для этой работы и что другие должны брать с меня пример. Я могу не бояться, что меня уволят, и потому я делаю такие вещи, за которые

других выбрасывают вон с бранью и побоями.

Я член коммунистической партии.

Я участник революционных демонстраций.

Я регулярно переписываюсь с СССР.

До сих пор мне как-то удавалось безнаказанно проскальзывать на собрания ячейки. Но около месяца назад вечером меня остановил бонза и спросил:

— Куда ты идешь? Одна? И так поздно?

Два дня спустя я опять поздно возвратилась домой. Меня ожидал отец. Неожиданно он изо всей силы ударил меня по лицу. Потом еще. В слезах я спросила его:

— За что?

Он ответил, что бонза сообщил ему о моем развратном образе жизни. Бонза сказал ему, что я позорю почтенную семью, что по вечерам я ухожу в грязные притоны и отдаюсь направо и налево и что за это ответит Будде мой отец. Теперь за мной следят и не дают выйти из дому. Отец стар и очень религиозен. Ничто, никакие несчастья не могут увести его от религии.

После подавления кантонского восстания, когда проливалось море китайской

крови, когда совершались самые страшные насилия, а священники, миссионеры и бонзы ничем не облегчали страдания жертв, мы говорили отцу, что религия бессильна. Отец очень страдал, когда ловили и убивали коммунистов, когда жгли женщин и детей, когда бросали в воду раненых, издевались, водили по городу голых девушек... Но верить он не перестал.

Теперь, чтобы не подвергаться истязаниям, мне придется покинуть отцовский дом и под чужим именем поступить на другую работу. Но, как опытная прядильщица, я могла бы быть полезной и на одной из фабрик вашей страны, куда я стремлюсь всеми своими помыслами. Более любимой мечты, чем страна, отомстившая своим угнетателям, у меня нет. Когда-нибудь я проберусь в СССР.

Кантон.

Хао-Цунь.

С. АМЕРИКА.

ПРОТИВ РОДИНЫ БЕЗБОЖИЯ.

В наступление против рабочих и безработных пошли не только капиталисты, но и все носители духовного сана, па-

теры, ксендзы, пилигримы. Я всегда интересовалась деятельностью церковников и думаю, что могу сообщить много сведений ленинградским товарищам.

За последнее время священство всех культов крайне оживилось. И самое удивительное это то, что, бросив старые распри, церковнослужители всех религий дуют сообща.

В Америке католическая церковь всегда была в загоне. Костелы строились только на окраинах городов, и, за неимением средств, костелы были самыми жалкими храмами. Католиков, как правило, никогда не выдвигали на руководящие политические посты.

Теперь протестантская государственная церковь вдруг прониклась дружественными чувствами к католикам. С прошлого года во всех школах отвели особые часы для католической обработки детей. Теперь не возбраняется католикам собирать многолюдные митинги для демонстрации чудес или, вернее, фокусов, какие проделывали в средневековые католические отцы.

В обмен за эту любезность католические ксендзы, которые всегда были яркими противниками священников других рели-

гий, теперь не гнушаются ходить и собирать пожертвования на постройку протестантских или еврейских храмов или еще лучше: объявляют верующих евреев священными людьми, которых надо глубоко, чтить и уважать. Наш ксендз сказал, что, если бы не помогли верующие евреи, католикам бы никогда не достроить так быстро новый кафедральный собор (!).

Совсем не видать бедных, обтрепанных, недоедающих священников. Теперь они как-то округлились все, обросли жирком, стали благодущны и авторитетны. Увидеть священника пешком? В самом бедном квартале он катит на машине. Дети священников всех религий прекрасно одеты, состоят членами дорогих клубов и задирают носы не хуже резиновых и керосиновых магнатов.

Церковь накопила колоссальные богатства. Костелы, кирхи и синагоги ломаются от золотых и драгоценных пожертвований. Роскошные ковры и вышивки украшают их. Возникла масса закрытых учебных заведений, содержащихся разными церквами. Там преподают лучшие профессора, там шикарные помещения.

Церкви богатеют на глазах. Должно быть именно потому и богатеют, что

больше не конкурируют друг с другом, а живут мирно, рядом, дружно перенося всю злобу на коммунизм и коммунистов.

С остервенением и бешенством выступают церковники против растущего безверия среди молодежи, против пагубного влияния большевистских идей. Нередко можно услышать прямую проповедь войны против родины безбожия, нечестивой страны большевиков. Эта ненависть и объединила длиннополых и короткополых, долговолосых и остриженных церковников. За эту ненависть, которую они всюду проповедают, кормят их тысячами долларов американские миллионеры. Разжирели духовные отцы не на рабочих центрах.

Эмили Хосорн.

У ПРОЛЕТАРСКОГО РЕБЕНКА НЕТ СВОЕЙ ШКОЛЫ

2 (13 — 20)

1. Остается большая обида С. Штаты
2. Не смейте рассуждать Мексика.
3. Носители плача Италия.
4. Школа — старательный помощник . . . Америка.
5. Долой привилегированную школу . . . Германия
6. Издевательские наказания Болгария.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

ОСТАЕТСЯ БОЛЬШАЯ ОБИДА.

Мы страдаем, видя безрадостное детство наших детей. Негритянка в Америке не должна иметь детей.

Начался школьный год. Моя дочь пошла в школу. По дороге встретила маленькую белую девочку. Моя дочурка не уступила ей дорогу. Шел какой-то белый господин. Он так толкнул моего ребенка, что девочка упала и разрезала щеку о валившееся на дороге стекло. Дочка пришла с плачем в школу. А там учительница сказала, чтобы другие дети три дня не играли с ней, потому что она не знает, как вести себя. Она не знает, что на улице всегда надо давать дорогу белому.

Три дня скоро пройдут. Но остается и живет в душе каждого негра большая обида.

В Чикаго для детей негров нет отдельных школ, все учатся вместе. Но дети негров должны во всем уступать белым детям. За один и тот же поступок учительница накажет негритенка, а белого только слегка побранит.

Моя дочка говорит, что учительница нарочно унижает черных перед белыми детьми.

Роза Сайкс.

МЕКСИКА.

НЕ СМЕЙТЕ РАССУЖДАТЬ!

Мексика такая некультурная и отсталая страна, что в СССР наверное не поверят тому, что для нас, мексиканцев, совершенно обычно. Поверит ли житель советской страны, что у нас железные дороги строятся на трупах рабочих, законтрактованных подрядчиком на несколько лет? Работают в болотах, без горячей пищи. Среди них свирепствует цынга, вылезают зубы и ногти, лихорадка уносит ежедневно сотни голодающих людей. Но работу нельзя бросить. Не дотянув до срока, тысячи рабочих умирают.

Поверит ли житель советской страны, что достаточно только одного слова — «такой-то человек — сторонник коммунизма», как к заподозренному явится жандармерия и без всяких объяснений арестует его... И человек пропадает бес-

следно. Иногда он возвратится через 5—6 лет, совершенно неузнаваемый после ссылки. Но большей частью его уже никто никогда больше не видит.

Поверит ли советский гражданин, что в Мексике детей коммунистов выбрасывают из школ, что детей рабочих муштруют, чтобы выработать из них послушных солдат для американского империализма? Что дети должны, как автоматы, повторять слова учителей, не имея права ни задать вопроса, ни рассуждать.

Когда несколько школьников не хотело пойти на торжественную встречу нового посла из Соединенных Штатов, их строго наказали.

На уроке родного языка учитель, говоря о массовой неграмотности Мексики, объяснял ее алкоголизмом, тем, что народ пропивает свой заработок и потому остается в темноте и нищете. Один из учеников, сын подпольщика-коммунара, встал и сказал, что ему кажется, что в нищете и темноте мексиканского народа виноват не сам народ, а тот режим, при котором народ или пухнет от безработицы, или нещадно эксплуатируется. И он привел несколько случаев из жизни своих близких.

Учитель дал ему договорить и потом донес на него, как на опасного агитатора за коммунизм. Мальчика выгнали из школы с позорным аттестатом.

Педро Хомец.

ИТАЛИЯ.

НОСИТЕЛИ ПЛАЧА.

Итальянцы нередко называют свою страну не Италией, а Муссолинией, потому что страна превратилась в бесконтрольную собственность этого фашиста.

Я хочу объяснить, почему даже самые маленькие дети бедняков и пролетариев ненавидят фашистов. Они их боятся. До ужаса, до дрожи.

Фашистов много. Их можно отличить по черным рубашкам, повелительному виду, воинственной походке, оружию и дубинкам.

Дети рабочих кварталов с младенчества наблюдают, как фашисты публично избивают мирного рабочего, иногда их отца и деда. Дети видят, что их родители на улице говорят вполголоса, чтоб не услы-

шал фашист. Дети знают, что приход фашистов всегда связан с чем-то страшным, что фашисты обязательно кого-нибудь уведут, если были фашисты — значит будет плач.

Учитель-фашист гораздо сердитее и придирчивее, чем те немногие учителя, что не носят проклятой фашистской формы.

Учителя-фашисты, у которых на языке ругательства, а в руках палка или линейка, восстановили детей против школы. Детей в школу приходится посылать чуть не силой. Но, не доходя до школы, дети часто сворачивают куда-нибудь в лес, на окраину города или базарную площадь. Потом их наказывают и учитель и родители. Хотя мы — родные — прекрасно понимаем, что любви к фашистской школе у наших детей быть не может.

Школа не дает детям самых бедных безработных ни тетрадей, ни перьев, ни карандашей. Дети, не имеющие пособий, должны учить все наизусть. Требования же учителей к ним такие же самые, как к детям богатых, у которых дома есть свои фашистские репетиторы, которые имеют книг, сколько надо.

Когда подросток кончает школу, что он знает? Еле-еле читает, чуть пишет, знает два-три анекдота из истории Италии, да умеет петь фашистские гимны. Знает катехизис и биографию с полным собранием изречений Муссолини.

Никакой подготовки к жизни. Никакого представления о других странах, о том, как там живут люди и каковы естественные права человека. По мнению фашистов, чем меньше знают дети рабочих, тем лучше для их здоровья.

Зато уже с пяти-шести лет начинается военная муштровка малышей. Зимой и летом они должны маршировать и делать упражнения с деревянной палкой вместо ружья. Должны отдавать честь фашистскому знамени и петь патриотические гимны, прославляя фашистский режим. Кто недостаточно громко поет, недостаточно проявляет патриотических чувств, того бьют и сажают в карцер.

Дети — самые жалкие жертвы фашистского террора.

Милан.

Кларичер.

АМЕРИКА.

ШКОЛА—СТАРАТЕЛЬНЫЙ ПОМОЩНИК КАПИТАЛА.

Не знаю, как мне удастся воспитать моих детей. Их у меня трое, да еще два сына умершей сестры на моем попечении. Я стараюсь с детства дать понять им, что они—дети рабочего класса, объясняю им все несправедливости капиталистического строя и разоблачаю предательскую роль религии по отношению к интересам рабочего класса. Дети меня любят, верят мне и соглашаются со мной. Так бывает по вечерам или по воскресеньям.

А в школе, где они учатся каждый день, они слышат совершенно обратное. Они слышат, что единственными виновниками безработицы и кризиса являются чужестранные пришельцы, коммунисты, евреи, и нечистые вчерашние рабы — негры.

Учителя американских школ обдуманно и тонко обрабатывают души наших детей. Они постоянно рассказывают лживые сказки о героях, погибших в войну 14—17 года, они превозносят Америку, как рай для каждого честного человека, они заманивают и мальчиков и девочек в скаутские организации.

Как трудно рабочему бороться и не допустить детей в скауты! Обязательное ношение формы, значки, устав, обучение стрельбе и верховой езде, прогулки за город, путешествия в другие страны — все это чрезвычайно заманчиво для ребенка. Как я и муж ни влияли на детей, но один из сыновей и племянник — одноклассник — записались в бой-скауты. Мы уверены, что они скоро бросят эту фальшивую и вредную организацию. Ребята ведь потому вступили в нее, что их обещали научить управлять аэропланами, а они оба мечтают быть летчиками. Но вместе с желанными уроками лётного искусства им придется проглотить огромную дозу яда — их будут натаскивать и наускивать против родителей, против революционеров, против рабочего класса в целом.

Школа — старательный помощник капитала. Американцы учат детей презирать безработных, как неудачников-глупцов, учат ненавидеть негров и иностранцев, учат доносить на революционеров и бояться коммунистов.

А кого школа учит уважать и любить?

Самую совершенную из всех стран мира — Америку Форда, Моргана, Вандербильда и других миллионеров да свя-

щенников всех религий, как носителей божественной истины и справедливости.

Все это ежедневно и упорно вколачивается в головы школьников. Школьный день начинается с поцелуя и присяги знамени нации.

Самый большой праздник в школе — день Колумба, день открытия Америки, к которому каждый ученик должен сочинить хвалебный гимн родине.

Анна Ниддлстон.

♥ ГЕРМАНИЯ.

ДОЛОЙ ПРИВИЛЕГИРОВАННУЮ ШКОЛУ!

С каждым днем ширится пропасть, разделяющая классы. Буржуазная Германия переходит к откровенному фашизму, — рабочий класс отдает свои голоса, свое доверие, свои силы коммунистической партии. Ради наших детей должны мы стать коммунистами, чтобы покончить с буржуазной школой, с классовым угнетением, которое испытывают наши дети с самого раннего детства.

Какие роскошные школы выстроила буржуазия для своих сынков! В нашем доме живет уборщица новой школы в Шлахтензее. После ее рассказов об этой школе целая группа детей отправилась в Шлахтензее, чтобы посмотреть на это диво. Им удалось, правда, только снаружи, осмотреть помещение, но и то, что они видели, надолго испортило им жизнь.

— Школа стоит в лесу, — рассказывали дети, — в настоящем лесу, на лужайке. Светлозеленое здание все обращено к солнцу. Кругом площадки для спорта, свой собственный маленький зверинец, бассейн с проточной нагретой водой, оранжерея, фотографический павильон, беседка для рисования на открытом воздухе и много еще разных сказочных выдумок.

А наши дети? Учатся в школьных казармах, всегда полутемных, полусырых, с ветхим инвентарем, почти без учебных пособий.

В школах для пролетарских детей не бывает гимнастического зала или специальной комнаты для завтраков. А в той школе наши ребята видели большую крытую террасу, на которой были расставлены столики, как в кафе. Увидев один

павильон, очевидно предназначенный для кинематографа и случайно не запертый, наши дети туда пробрались. На шум вышел сторож с ружьем. Дети страшно испугались и бросились кто куда. На свист сторожа собралась целая погоня, но, к счастью, никого не поймали.

Теперь жизнь моих детей отравлена. Только и разговоров, что о той школе. Соседка должна ежедневно рассказывать, что там происходит, и отвечать на вопросы ребят. Ее рассказы дают детям мало надежды туда попасть. Там учатся только 120 ребят, детей банкиров и других богатей. Даже детей тех учителей, которые там преподают, и то под разными предлогами не принимают. Детей той школы не быют. Это особенно интересовало моих детишек, хорошо знакомых с линейкой и щипками свирепой учительницы.

Что могла я сказать моим мальчикам, когда они возмущались тем, что должны ходить в мрачную и убогую лачугу, где учатся тысячи забитых и полуголодных детей, в то время как есть такие роскошные школы, куда им нельзя близко подойти. Я сказала им: «когда власть перейдет к коммунистам, вы будете

учиться в «той» школе, в лесу, и вас не будут бить. Это будет при советской власти.

Берлин.

Кэте Хеллерих.

БОЛГАРИЯ.

ИЗДЕВАТЕЛЬСКИЕ НАКАЗАНИЯ.

До последнего времени болгарские рабочие смотрели на евреев с большим предубеждением. Совсем не было смешанных браков между болгарами и евреями. Но постепенно национальная рознь в пролетарской среде сглаживается.

Я сама—еврейка, уроженка Болгарии, вышла замуж за рабочего христианина. Оформить брак было очень трудно потому, что ни один священник не соглашался венчать нас. Детей мы решили не крестить и воспитывать свободомыслящими. Но, когда надо было определить их в школу, меня спросили:

— Где свидетельство о крещении?

— Дети не окрещены.

Их приняли. Но перед пасхой детей вызвали и объявили им, что теперь надо

неделю поститься, а затем причащаться, а для этого надо быть крещеными. Иначе придется оставить школу.

Я попробовала сопротивляться. Безрезультатно. Пришлось, прекрасно сознавая нелепость и бессмысленность обряда, крестить детей уже взрослыми, 8 и 9 лет. Пришлось разрешить им идти на причастие, хотя мне и им это было глубоко противно.

Массовое причастие в школах в прошлом году привело к огромной вспышке дифтерита. Школьное начальство и местное духовенство знали об эпидемии в Софии, но не отменили обряда. С одной ложечки причащались тысячи детей, среди которых были уже больные. Потом число больных приняло неслыханные размеры.

Самые строгие наказания в школе налагаются на детей, не имеющих отличных отметок по закону божьему и катехизису. Наказания нарочно назначаются самые издевательские:

— Отвесить тысячу поклонов иконе.

— Поцеловать тысячу раз божью мать.

— Стоя коленями на горохе, часами перебирать четки.

Понятно, что эти наказания не привлекают детей к религии, а скорее отталкивают. Но многие ребята просто со страху зубрят катехизис, и потому он у них остается на всю жизнь в памяти. Как у теперешних взрослых, тоже с детства заучивших божественную премудрость, по привычке исполняющих обряды, по привычке ходящих в церковь. Хотя в общей массе болгары слишком практический народ, чтобы быть религиозным.

— Религия тому учит, что выгодно для богатых, — все чаще говорит болгарская женщина и перестает учить детей христианскому смирению.

С. Габрова.

ДЕТИ НА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ КАТОРГЕ

3 (21—25)

1. Тебе есть нечего? Ешь своих детей . . . Болгария.
2. Бьют детей чем попало Китай.
3. Истощенные туберкулезные дети Франция.
4. Не отдам детей во власть порока . . . Англия.

ТЕБЕ ЕСТЬ НЕЧЕГО? ТАК ЕШЬ СВОИХ
ДЕТЕЙ.

БОЛГАРИЯ.

Растет безработица и дорожает хлеб. Не знаешь, что предпринять, чтобы огородить себя и семью от стоящего у дверей голода. Многие румынские рабочие идут и просят, чтобы их отправили в колонии, куда не соглашаются ехать рабочие более обеспеченных стран. Но теперь, как видно, нет обеспеченных стран, потому что еще два года назад искали рабочих для французских колоний, а в этом году не так легко и туда попасть.

Некоторым удается поступить на железную дорогу. Но при поступлении туда от них требуют подписки, что в случае увольнения рабочий не имеет никаких претензий. Значит, уволят без всяких, не получишь ни леи (около копеек). Иди, откуда пришел.

Иметь детей—значит обеспечить себя заботами и горем. Приходится забирать детей из школы и отправлять на заработки.

Девочки должны слепнуть над вышиванием золотом и серебром в надежде продать их за гроши какой-нибудь барыньке. Мальчики идут на всякую работу, даже на ту, какая им не под силу.

В долине Жиу, горняцком районе, не так давно рассчитали несколько сот шахтеров, а набрали подростков. Администрация сказала, что дети будут работать только в сухих шахтах. На поверку вышло, что в сухих шахтах хватило грязи и воды до колен и дети работали там голые, чтобы не испортить единственной пары штанов.

Мало считаются у нас с детьми рабочих и безработных. Было восстание в Лупенах, где живет моя сестра. Оно ни к чему не привело. Только убили человек 60 рабочих да 200 или 300 ранили.

Но восстание было такое единодушное, что власти струсили. Дошло до того, что рабочие захватили электрическую станцию и чуть было не захватили дом градоначальника. Потом начались жестокости: вешали и заковывали в кандалы всех подозрительных. Многих разорjali, заби-

рая последний скарб. Мою сестру с семьей выбросили на улицу. Она пошла к префекту жаловаться и сказала:

— Как не стыдно лишать нас последнего куска хлеба?—Он ответил:

— Тебе есть нечего? Так ешь своих детей.

Тыргүмуреш.

Миту Шагурян.

КИТАЙ.

БЬЮТ ДЕТЕЙ ЧЕМ ПОПАЛО.

Палками и плетками, кулаками и ногами бьют детей на английских, японских и китайских фабриках в Шанхае. Дети не могут сопротивляться. Целыми партиями выгоняют с заводов умелых старых рабочих и нанимают за полцены женщин, покупают, как самую дешевую силу, детей.

Дети не умеют работать и боятся машин. Надсмотрщики не показывают им, как надо работать, они бьют их. Дети плачут, а их опять бьют, пока они не работают, как надо. Тогда их бьют за каждое слово, которое они произносят у машины, за улыбку, за уход в уборную.

Боясь отпроситься в уборную, дети часто мочатся тут же у станка. Со многими бывают обмороки.

Несчастных случаев и увечий с детьми так много, что соседи по станку не отрываются от работы, когда заплачет ребенок от того, что машина повредила ему руку или оторвала палец. Фабриканты не горюют, даже если убьет ребенка, потому что в этом году в голодающих провинциях можно купить девочку за 1 кит. доллар (около рубля), мальчика за 2—3 доллара.

Су-Чинь.

ФРАНЦИЯ.

ИСТОЩЕННЫЕ, ТУБЕРКУЛЕЗНЫЕ ДЕТИ.

На деревообделочной фабрике, на которой я работаю всю жизнь, недавно произошел такой несчастный случай, что никто не может его забыть. 13-летняя девочка, подметая стружки, была захвачена пилой и оскальпирована. Не могу описать, что делалось с матерью несчастной девочки, да и мы все чуть с ума не сошли.

Несчастные случаи с детьми происходят очень часто. На соседней фабрике Руссельсона машина разорвала на части мальчика. На химической фабрике Бужо произошло отравление целой группы рабочих, и среди них пострадало несколько детей.

И на что похожи наши дети, работающие на заводах наравне с нами? Это не дети, а тени детей. У них искривлены позвоночники, они истощены, малокровны и туберкулезны. Как нам плохо ни жилось во времена нашего детства, но нам не приходилось с 10 лет думать о том, чтобы с помощью подделанных документов, показывающих на 2—3 года больше, пробраться на фабрику и там работать, рискуя жизнью.

А еще считается, что Франция благоденствует и процветает, победив в войне. Пока у власти будет стоять проклятая буржуазия, рабочему и его ребенку все равно не видать просвета: чем больше идет вперед техника, тем тяжелее и безысходнее работа.

Я хотела бы знать, как в других странах живет детям рабочих и как в СССР — работают ли там дети на заводах и со скольких лет?

Лион.

Виолет Велан.

АНГЛИЯ.

НЕ ОТДАМ ДЕТЕЙ ВО ВЛАСТЬ ПОРОКА!

Когда во главе министерства труда поставили женщину Маргариту Бонфильд, многие легковверные работницы обрадовались, поверив, что женщина-министр, пойдет навстречу нуждам женщин и детей Англии.

Маргошка, как ее презрительно называют в рабочих кварталах, первым делом сократила пособия по безработице, а затем стала измышлять средства сократить безработицу на бумаге. Издала циркуляр, по которому за «недостаточно энергичные поиски работы» безработные снимаются с учета безработных. Получилось так, что квалифицированных текстильщиц направляли на фабрики судомойками или чернорабочими или посылали в рестораны, чтобы они работали кельнершами или даже в частные дома, в няньки. Понятно, что квалифицированные работницы отказывались от такой работы. Таким путем удалось снять с учета тысячи безработных женщин.

Перед выборами социал-фашисты трубили о том, что всем детям Англии они дадут возможность посещать школы. Но дети безработных не имеют одежды. Им буквально не в чем выйти на улицу. Нечего говорить, о школе, куда детям в стоптанных отцовских башмаках или в платке вместо куртки идти просто тяжело... У моих двоих детей нет никакой одежды, кроме того, что осталось от их покойного отца. Мне сказали, чтобы на пособие я не рассчитывала, на работу тоже нет, а детей могу отдать в рабочий дом.

Поселиться с детьми в рабочем доме — это значит добровольно пойти в унизи-тельную и страшную тюрьму, жить, впроголодь, работать, сколько прикажут, и кланяться тем разряженным «благотворителям», которые время от времени приезжают посмотреть, что делают «наши бездельники в рабочих домах».

Дети из рабочего дома навсегда теряют надежду выбиться в люди, изучить какое-нибудь ремесло или получить хорошую квалификацию на предприятии. Дети из рабочего дома берутся в парикмахерские, в гостиницы, в универсальные магазины. Из них делают лакеев, рассыльных, чистильщиков сапог, лифтеров, грумов

в ливреях с золочеными пуговицами. Эти дети обречены на лакейскую жизнь, с подачками, чаевыми, с секретными, постыдными поручениями. Эти дети развращаются пороком, еще не зная, что такое порок. Лучше своими руками умертвить своего ребенка, чем видеть его в роли лакея буржуазии.

Сесиль М.

НАШИ ДЕТИ НЕ РОЖДЕНЫ РАБАМИ. У НАШИХ ДЕТЕЙ— СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ

4 (26 — 30)

1. Героические ребята Америка.
2. Для нас важна не нация, а класс Эльзас.
3. Лесные пионеры Польша.
4. Дети борьбы Чехо-Словакия.
5. Маленькие революционеры Корея.

АМЕРИКА.

ГЕРОИЧЕСКИЕ РЕБЯТА.

К жестокостям, которые применяются на каждом шагу к неграм, к смертным и каторжным приговорам для коммунистов Америка как-то привыкла. Сами коммунисты удивляются, когда кому-нибудь из них удастся выйти целым из здания суда, даже когда заподозренный был на 100 километров от места, где произошло то, в чем его обвиняют.

Никого не удивляет в Америке вооруженный разгон безоружной рабочей демонстрации. Не удивляют рассказы о том, как товарищам, сидевшим в тюрьмах, неделями не давали заснуть, накачивали в желудок холодную воду до потери сознания и т. п.

Теперь жестокость американского правительства обратилась на детей. Конечно, не на тех детей, которые послушно присягают лживому американскому флагу,

которые состоят в фашистском союзе бой-скаутов. Ярость закона, суда и полиции направлена против пролетарского движения юных пионеров.

У нас в Калифорнии этим летом организовался лагерь пионеров. Но они нигде открыто не заявляли, что лагерь — пионерский.

Выяснилось, что это лагерь красных, когда 1 августа дети повесили над лагерьем большой красный флаг. В лагерь нагрянула полиция, арестовала двух вожатых, и они были приговорены судом к 10-летнему тюремному заключению. 10 лет тюрьмы за красный флаг!

В другой лагерь, где было несколько активных пионеров и редактор пионерского журнала «Юный Товарищ», нагрянули добровольные жандармы — фашисты и потребовали выдачи пионеров. Дети сплотились и сказали, что никого не выдадут и что они будут защищаться все, как один. Фашисты ускакали, но вернулись на автомобиле, вооруженные револьверами, и начали настоящую войну с детьми. Несколько ребятшек было ранено. Спротивлялись они героически. На звук выстрелов явилась полиция, которая

подобрала раненых детей и, для вида, арестовала предводителя фашистской банды. Выздоровев, дети вернулись из тюремной больницы домой. Они сделали доклад о своем пребывании в тюрьме, где их по очереди мучали следователи и священники вопросами — откуда они получают коммунистическую литературу, кто из взрослых разъясняет им коммунистические идеи, как они сносятся с пионерами других стран и проч.

Ксендзы и патеры уговаривали детей пойти на предательство во имя спасения души и вечного блаженства на том свете.

— Пока на этом свете в нас стреляют и нас мучат, а святые отцы нам ничем не помогают, — сказал ксендзу маленький пионер Джек. — Пусть церковь так забудет о нас, как мы забыли о ней.

Священники остались ни с чем.

У скаутов любимые игры — мнимые стычки с вооруженными бандитами, разбойниками. У американских пионеров стычки — не мнимые. Они действительно сражаются с фашистскими бандитами.

Джулиет П.

ЭЛЬЗАС.

ДЛЯ НАС ВАЖНА НЕ НАЦИЯ, А КЛАСС.

В Эльзасе живут и французы и немцы. Между нами и французами старинная вражда. Немка не окажет услуги, не поможет француженке. Больше всего враждуют жены рабочих, которые сами нигде не работают. У французских рабочих плечо к плечу с немками, давно выветрились всякие национальные предрассудки.

Но если на базаре, в воскресенье, сцепятся две бабы, немка и француженка, то их разнять не так легко. Каждая припомнит другой все преступления всего народа и постарается, как можно глубже оскорбить другую.

Все это я описываю вам для того, чтобы рассказать, что национальную вражду среди неразвитых женщин Эльзаса стараются сгладить ребяташки, пионеры и комсомолы.

Пионеры нашего города поставили себе задачей вырасти не французами или немцами, а сознательными и боевыми проле-

тариями. Когда на-днях, на базаре, произошло очередное столкновение между двумя женщинами, в дело вмешались школьники.

«Стыдитесь, тетки, браниться и считать, кто какой национальности и веры. Учитесь от нас, пионеров. Для нас рабочий — первый друг, хотя бы говорить на его языке мы не умели бы!» Сначала женщины не обращали внимания на детей, но те не унимались. Наконец, к их словам стали прислушиваться. Тогда ребяташки воспользовались и рассказали про слет пионеров в Берлине, про решение слета, про то, как не пустили в Берлин советских пионеров, и про то, какую дружную семью составляют пионеры разных стран.

Мне стало обидно, что такие маленькие дети уже побывали в Берлине, а я дальше своего города нигде не была. Когда я сказала об этом пионерам, мальчуган и тут нашелся.

— Это потому, — сказал он, — что ты хоть и взрослая, но не занимаешься политической жизнью. Сделайся активной общественницей, и тебя выберут и пошлют хоть на конгресс Профинтерна. Увидишь и услышишь столько, что хватит на всю жизнь.

Свою общественную работу я начинаю с того, что устанавливаю связь между работницами нашего завода и советскими работницами Ленинграда. Надеюсь получить от советских работниц ответ и описание их жизни, о которой мы очень мало знаем. Читаете ли вы нашу газету «Юманите»? Я туда послала большую статью и выписала газету на целый год, так как наша «Юма» нуждается в средствах.

Мелани Поликэн.

ПОЛЬША.

ЛЕСНЫЕ ПИОНЕРЫ.

Промышленность замирает, и хозяйство страны разваливается. Мы делаемся все более и более нищими. Совсем нечем кормиться, даже картошка становится недоступной, а сахара мы уже не покупаем месяца три. На фабрике нас завили в такие условия, каких не запомнишь. С договорами фабриканты не считаются, проводят сокращенную рабочую неделю и увеличивают рабочий день. Таким образом, мы вырабатываем старое количество продукции, но за половинную цену. При

этом в каждой семье ходит без работы двое-трое хороших работников. Теперь это все лишние рты, которых нечем кормить.

Легче выжать воду из камня, чем досыта накормить свою семью. Если еще дети часто ходят в церковь, гнут шею перед каждым паном, то иногда из щедрого кармана благотворителя перепадает на их долю пара ношенных сапог или фунт маргарина. Но если дети члены союза лесных пионеров, то, кроме ненависти и побоев, им нечего ждать от вельможного панства.

Лесные пионеры зябнут зимой и голодают круглый год. Полиция пользуется каждым случаем, чтобы избить их. Но лесные пионеры стойко держатся своего союза. Пионеры ведут большую работу. Они разбрасывают листовки с воззваниями, они созывают на демонстрацию, они держат постоянную связь с пионерами соседних стран.

Пионеры стараются раз'яснить рабочему поляку, что в его нищете не виноваты евреи, немцы и украинцы, на которых постоянно указывает правящая верхушка Польши. Пионеры объясняют озлобленному безработному, что он должен мстить

не рабочим других наций, не таким же жертвам эксплуатации, а только самим эксплуататорам. На многое мне открыли глаза лесные пионеры. Благодаря им я знаю, к чему стремятся самые лучшие дети наших лучших и передовых товарищей.

Г. Лодзь.

Адвиг Железницкая.

ЧЕХО-СЛОВАКИЯ.

ДЕТИ БОРЬБЫ.

Как-то незаметно в дело борьбы и революции втянулись подростки и школьники самых начальных групп. Вернувшись из шахты, я иногда застаю у себя дома целую компанию мальчиков, которым в пору на качелях качаться и в чехарду играть, а они обсуждают план общешкольной забастовки или план нелегального перехода границы на слет пионеров в Германии.

Сначала родители, да и другие взрослые рабочие думали, что дети просто подражают им, балуются, играют в революционность. Но мы теперь убедились, что дело ребят не шуточное.

На слет в Москву никто из наших пионеров не попал. Руководителя пионерского движения тогда посадили в тюрьму, а у всех других, кто собирался ехать, отобрали деньги и пригрозили той же тюрьмой. Но на этот раз дети оказались хитрее и так втихомолку провели подготовку к берлинскому слету, что им удалось обмануть масариковскую полицию и перейти границу. Это уже не игра, и дети показали себя хорошими конспираторами.

Закалку в революционной борьбе дети получают во время забастовок рабочих. Пионерия по мере сил борется с штрейкбрехерами, своим одушевлением поддерживает энергию в бастующих.

По слухам, в нашей стране подготавлиется закон, по которому все мальчики, начиная с 6 лет, должны в обязательном порядке проходить военную подготовку. Правительство хочет обеспечить себя послушным войском для схваток с революционерами внутри страны или с СССР. Пионеры Чехо-Словакии в связи с этим заняты разъяснением того, что дети пролетариата имеют только одного врага — капитал и с ним одним надо бороться, пока хватит сил. Мой старший сын очень хороший оратор. На своем последнем выступ-

плении он так и кончил: «Против ненавистного врага—капиталиста, и за детский Интернационал!»

Б. М.

КОРЕЯ.

МАЛЕНЬКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ.

В этом году мы не можем покупать столько риса и овощей, сколько нужно. Мы часто ложимся спать голодными. Трудно жить. Рис дорожает, а заработная плата падает. Видно, что народу стало очень трудно жить. Даже покорные корейцы начинают бунтовать. Нас на фабриках убеждали терпеть и обещали после окончания кризиса прибавить заработок. Но обещания это не рис, им желудка не накормишь.

Одно время японцы уже не так притесняли нас. А теперь на каждом шагу мы в своей стране должны терпеть обиды и надругательства от японских богачей.

Дети-корейцы много терпят от японских школьников. В одной школе корейцы напали на нескольких детей из японской

знати и исколотили их. Потому что они не могли больше терпеть. Японцы называли корейцев всеми оскорбительными именами и хвастались, что будут запрягать корейцев, как рикш, и ездить на них. Стоило корейским детям начать драку, как их уже нельзя было остановить. Вся школа начала свалку, а за ней школьники и население всего города. За то, что наши избили нескольких японцев, полиция убила сотни корейцев.

— Мы считаем своих убитых,—сказал раненый мальчик-кореец, когда его мать плакала, видя его кровь,—но будет время, что мы будем считать трупы наших врагов.

Дети теперешнего времени не рождены, чтобы быть рабами, как мы. Я не помню, чтобы мы с детства вели борьбу за революцию, как они. Дети и юношество у нас самые боевые. Первая демонстрация в Косю имела во главе школьников и студентов. Они шли с красными флагами и совсем не боялись полиции. 2 человека было арестовано, но они не трусили и в каземате.

Раньше бунтовщики говорили, что им дела нет до других народов, что они идут

только за свой народ. А теперь молодежь говорит иначе.

По одиночке рабочих каждой страны осилить совсем не трудно. Только тогда капиталисты не смогут победить рабочих, когда рабочие все соединятся и пойдут вместе.

И про Советскую Россию нам много рассказывают наши школьники. Они так хорошо все знают, как будто там родились. Много они рассказывают такого, чему не легко поверить, но ребята уверены, что и мы доживем до советской власти в Японии и во всем мире.

Город Косю.

Урасити.